

БТУРА

Фарид Изюмов

Рефлексия

-НАТАША, вы пришли в балет сами или по настоянию родителей?

— Это было мое личное желание, и вопреки протестам со стороны папы мама все же согласилась отвести меня в хореографическое училище. Я успешно прошла три экзамена на конкурс и поступила. До этого я занималась в музыкальной школе, в секции спортивной гимнастики и прыжками в воду. С раннего детства часто оставалась одна с бабушкой и по телевидению видела много балетных спектаклей. Мама старалась как можно чаще водить нас с сестрой в детские, драматические и даже в Большой театры. Поэтому мечта о театре, о балете была у меня еще с детства. Папа всегда был против, может быть, даже до сих пор не может простить мне этого. Он очень хотел, чтобы я была медицинским работником, а не балериной. Мама работала на «скорой помощи», отец 16 лет был личным врачом Юрия Андропова, и ровно 16 лет мы не видели его дома. Для меня судьба сложилась удачно и в балетной карьере, и в личной жизни. Я не пострадала от того, что я балерина.

— Свои ранние успехи вы относите за счет своих учителей или за счет своих способностей?

— Все восемь лет учебы в хореографическом училище я постоянно дополнительно занималась с педагогом, которого мне нанимали родители. У меня не было ни выходных, ни каникул. Тогда это был нонсенс — нанимать репетитора по хореографии за деньги и заниматься с ребенком дополнительно. Уже в младших классах хореографического училища я начала танцевать сольные партии.

Имя Натальи Архиповой стало широко известно еще тогда, когда она училась в Московском хореографическом училище. В 1981 году юная танцовщица завоевала золотую медаль на Московском конкурсе артистов балета и была приглашена в Большой театр.

Балерина яркого лирико-романтического дарования, она в течение 15 лет была ведущей солисткой прославленной труппы, исполняла центральные партии в спектаклях классического и современного репертуара. Уйдя из Большого театра, много гастролирует в России и за рубежом.

жением как для балерины. 15 лет мне посчастливилось работать под творческим руководством Григоровича, танцевать его спектакли, как вдруг оценивать мою работу и решать, имею ли я право работать в Большом театре, будут такие, как Васильев и Гордеев? Нет, это уж слишком.

— Вашей последней работой в Большом была «Сильфида»?

— Да, и я рада, что она была удачной, что меня смогли запомнить в этом спектакле. Сейчас мне жалко и больно вспоминать об этом, очень скучаю по «Сильфиде» и с огромным удовольствием станцевала бы этот спектакль еще раз. Над «Сильфидой» я работала с великой балериной и потрясающим педагогом Натальей Бессмертной. Для меня это было подарком судьбы. Она никогда не давила на меня, а, наоборот, открывала новые возможности, скрытые для меня самой. И то, что я станцевала «Сильфиду» и имела очень хорошие и добрые отклики в прессе, — это заслуга Бессмертной. В период подготовки к спектаклю я многому научилась у Натальи Игоревны, пыталась передать ее лирическое настроение, ее летящие позы, ее руки. И это было не копирование и подражание, так как у каждого из нас своя природа, — это было стремление к эталону. Бессмертная для меня эталон в классическом балете, и лучше ее на сегодняшний день нет никого.

— Почему, танцуя первые партии в спектаклях «Сильфида», «Спартак», «Каменный цветок»,

детям, мне нравился тогда первый акт этого спектакля, и уже в младших классах училища я знала многие вариации из этого балета. У меня текли слезы, когда начиналась сцена сумасшествия, сцена смерти Жизели. Для меня это было каждый раз потрясением. В Большом театре станцевать «Жизель» мне не удавалось, не смотря на то что этот спектакль я знала. В свободное от репертуара время я начала репетировать его с Мариной Кондратьевой, а затем с Риммой Карельской. Репетировала для себя и в свое удовольствие. Позднее появилось желание попробовать станцевать «Жизель» где-нибудь на периферии, чтобы понять, смогу ли. И вдруг за два дня до «Жизели» в Большом мне звонят из театра и спрашивают: «Наталья, а что у вас с «Жизелью»? Я отвечаю, что у меня все в полном порядке и спектакль я знаю. На следующий день меня вызывают в репетиционный зал и объясняют, что через два дня я танцую спектакль, так как Павлова отказалась. Я согласилась. После этой случайной премьеры за замену танцевала девять «Жизелей».

— Вы испытываете ностальгию по временам Григоровича?

— Это не ностальгия, это боль и страх за судьбу театра, за ту небесталанную молодежь, которая сегодня приходит в театр. Им сейчас нечего там делать. Ни творчества, ни искусства и ни спектаклей, на которых они могли бы учиться. Нет «Спящей красавицы», «Раймонды», «Корсары»,

должен заниматься этим? «Баядерка» в редакции Григоровича признана лучшей редакцией этого балета в мире, а его «Лебединое озеро», «Спящая красавица», «Раймонда», «Дон Кихот» в хореографической редакции 1995 года! А его оригинальная постановка «Щелкунчика»!

А что нового ставят сегодня Васильев и Гордеев? «Укрощение строптивой» — постановки 1969 года, «Ромео и Джульетта» — 1946 года. Это не новые спектакли — это плохой перенос старых балетов.

— Какие у вас отношения с Васильевым и Гордеевым сейчас?

— С Васильевым у меня никогда не было никаких отношений. Я с ним не танцевала и никогда не общалась. Я перед ним преклонялась как перед танцовщиком. Сейчас, наблюдая за ним как за администратором и балетмейстером, считаю, что этот человек болен. У него мания величия. А ведь он очень плохой балетмейстер и еще худший администратор.

С Гордеевым я встречалась на сцене после его скандального развода с Надеждой Павловой. В тот момент он оказался один, без партнерши. А рядом оказалась я — такая молоденькая, маленькая, легенькая партнерша, и он схватился за меня. Я станцевала с ним па-де-де из «Щелкунчика» и «Дон Кихота». Тогда Гордеев предлагал мне вместе с ним ездить на гастроли по стране. Но спустя некоторое время, на моей премьеры в «Дон Кихоте» (а он вводил меня в этот спектакль), в его адрес была очень нехорошая пресса. Позднее Гордеев уходит из театра. По этому поводу одна из центральных газет берет у него интервью. И на его заявление, что его якобы незаслуженно стали отстранять от спектаклей, зажимают, не дают творчески раскрываться и расти, корреспондент показывает рецензию на спектакль «Дон Кихот». Гордеев, рассмеявшись, объяснил этот факт тем, что мо-

НА ВОЛЬНЫХ ХЛЕБАХ

Независимая газ. — 1996. — 27 авг. — С. 7

«Выйти и достойно станцевать одну из невест в «Лебедином озере» — это почетно», — говорит балерина Наталья Архипова

У меня нет данных для того, чтобы стать великой балериной, но благодаря моей огромной работоспособности и любви к балету я достигла многого и никогда не могла смириться с непрофессиональными замечаниями в мой адрес или попытками унижить меня в глазах других.

— После училища вы сразу попали в Большой театр?

— В 1981-м я окончила Московское академическое хореографическое училище и в том же году была принята в балетную труппу Большого театра. Позади уже были: Всесоюзный конкурс артистов балета, где я получила золотую медаль, Международный конкурс артистов балета в Москве, где я опять получила «золото», а также ведущие партии в балетах «Тщетная предосторожность» и «Коппелия».

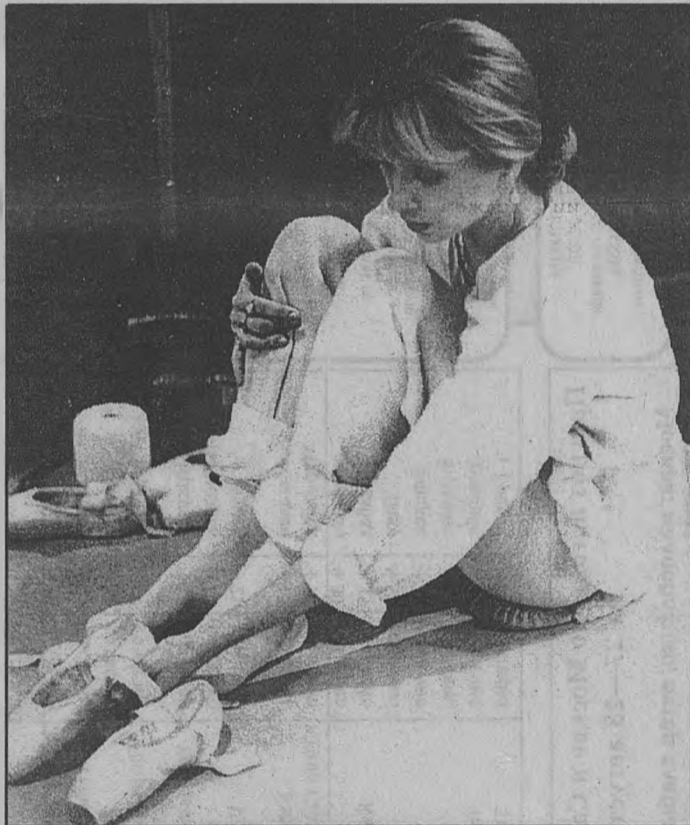
В первый год моей работы наряду с кордебалетным репертуаром я уже танцевала сольные фрагменты в спектаклях «Лебединое озеро» и «Шопениана». В конце моего второго сезона работы в театре мне улыбнулась судьба: посчастливилось станцевать партию Ширин в одном из сложнейших и интереснейших балетов Юрия Григоровича «Легенда о любви». Конечно, это было для меня большим событием в жизни. Почти сразу после этой премьеры я станцевала ведущие партии в балетах Григоровича «Щелкунчик», «Спартак», «Каменный цветок».

Я не могу пожаловаться, что меня зажимали, что не давали танцевать. Я честно работала и благодарна этому периоду становления. Освоив разнообразный репертуар, много и часто танцуя, я не испытывала страха перед сценой Большого.

— Но что-то ведь осталось не станцованным?

— Была мечта станцевать Анастасию в «Иване Грозном», Джульетту в «Ромео и Джульетте», Аврору в «Спящей красавице» и многие другие спектакли в постановке или редакции Григоровича. Все эти партии близки мне по характеру и внутреннему миру. Но, несмотря на кажущуюся всеядность, я никогда не бралась на ее роли. Я не видела себя Одеттой в «Лебедином озере», хотя мне и пришлось станцевать ее на гастролях, я отказывалась от Гамзатти в «Баядерке» и по этому поводу имела неприятный разговор с Григоровичем. Технически я справлялась с этой партией, но не чувствовала характер героини. У каждой балерины существует свое амплуа, и я всегда этого придерживалась. Может быть, поэтому меня в театре считали балериной инджену. Сейчас это слово стало обидным, и, может, поэтому в театре каждая балерина становится всеядной. Почему Максимова только два раза станцевала «Лебединое озеро» и, провалившись, отказалась? Это с ее-то возможностями, ее способностями, с ее известностью и ее регалиями. Да потому что Одетта и тем более Одилия — не ее роли.

Весной прошлого года политические интриги взяли верх: Григорович, Лазарев и Левенталь ушли из театра. Пришли Васильев и Гордеев. Эти события поставили меня перед выбором: остаться и работать с непрофессиональным руководством, танцуя их подделки, или уйти. Я не стала подавать заявление на конкурс, поэтому для меня это было уни-

Балерина Наталья Архипова.

«Легенда о любви» и других, вы не отказывались от так называемых «корифейных партий»?

— В Большом театре очень много солистов, и выход на сцену один раз в месяц приводит к потере профессионального уровня. К тому же мне всегда доставляло удовольствие и радость танцевать эти «маленькие партии». Выйти и достойно станцевать одну из невест в «Лебедином озере» — это почетно, тем более если тебя хорошо принимают, если ты в короткий промежуток времени смогла донести до зрителя замысел постановщика. В театре всегда были и будут балерины, которые отказываются танцевать скромные, корифейские — афишные партии, а для меня это был лишний выход на сцену, и, выходя на большой спектакль, я чувствовала себя гораздо увереннее и сильнее. Артист должен выходить на сцену как можно чаще, а танцевать на сцене один раз в год и при этом каждый раз сдавать экзамен перед публикой можно позволить себе только в выпускном классе хореографического училища.

— Какие были у вас отношения с Юрием Григоровичем?

— Я никогда не была с ним в близких и дружеских отношениях. Скажу даже больше, я всегда его боялась. Одно его появление в репетиционном зале или за кулисами, во время спектакля, вызывало у меня паническое состояние. Когда он подходил ко мне и что-то говорил, я могла не понять, что он говорит. Сейчас я понимаю, что это был не страх именно перед ним, а, скорее, преклонение перед человеком, который выше тебя настолько, что ты даже не можешь себе этого представить. С самого первого дня работы в театре для Григоровича я всегда была конкурсной девочкой, золотой медалисткой, и Юрий Николаевич считал, что я не доросла до этого спектакля, но танцевать Жизель я мечтала еще со школы. Как и всем

«Дон Кихота», «Каменного цветка», почти не идут в театре «Легенда о любви», «Лебединое озеро», «Спартак», «Щелкунчик», «Баядерка». Где классический репертуар? Где то, что есть слава Большого театра?

— Но оппоненты как раз и критиковали Григоровича за то, что он «засушил» Большой театр своими балетами, что он возобновлял балеты Петипа и Горского.

— Я не считаю, что меня Григорович засушил. Большой — это прежде всего театр с маркой классического театра. Их всего два в мире — Большой в Москве и Мариинский в Питере. Даже Парижская опера — театр, имеющий мировую славу, в котором прекрасно танцуют классику, модерн и джаз, — не имеет такого количества спектаклей классического наследия, традиций и стиля, присущего Мариинскому и Большому театрам. Если Большой театр имел свое индивидуальное, неповторимое лицо, что же в этом плохого? Ответственная пресса постоянно ругала театр и лично Григоровича, сначала обвиняя его в том, что ставит только он, потом почему он не ставит, теперь что он засушил театр, что в репертуаре театра только его спектакли. Но давайте повнимательнее посмотрим, что сегодня вызывает Большой театр за границу на гастроли, что показывали в Японии, Корею, Египте, Австрию... Спектакли Григоровича. Но почему же не «Последние танго» — этот гроб с музыкой, почему не «Укрощение строптивой»? Да потому, что все западные импресарио хотят показать своему зрителю то, что до последнего времени было индивидуальным лицом Большого, — балеты Григоровича. Большой всегда будет ассоциироваться с именем Григоровича. Его обвиняли в том, что он восстанавливает хореографию Петипа и Горского и не ставит ничего нового. А что в этом плохого? Этим занимались и Гусев, и Сергеев, и Лопухов. Почему же он не

лодая балерина, то есть я, еле-еле стояла на ногах, и ему пришлось весь спектакль держать меня. По окончании наших спектаклей он дарил мне цветы с надписями на память, довозил на машине до дома, приглашал в ресторан после спектаклей, и после всего этого я получаю вот такую оплеуху. Оказывается, я была плоха для него. Когда человек пытается найти оправдание своим неудачам в другом человеке, а тем более в женщине, — это показатель нечистоплотности.

Но мне грех жаловаться на судьбу. В Большом театре я накопила большой концертный репертуар. Когда мы решили восстановить номер Мессерера «Весенние воды», в театре говорили: зачем, кому это надо, это старо. Но когда мы с солистом балета Леонидом Никоновым, который тоже уволился из театра и работает в Италии, станцевали этот номер, появилось очень много желающих танцевать «Весенние воды». Следующим было па-де-де Дианы и Актеона, за которое сегодня в театре никто и не пытается браться.

— Какое у вас сейчас положение?

— Я сейчас свободный художник, свободна от театра и сохранила свой репертуар, с которым выступала на сцене Большого театра. Продолжаю репетировать с Натальей Бессмертной. 15 лет я была солисткой балета Большого театра, и все эти годы я представляла Большой театр и в России, и за ее пределами. Пусть я не заслужила звания в этой стране, тем не менее сегодня меня приглашают по всему миру. Когда приезжает Элизабет Платель, никто не пишет на афишах — выступает народная артистка Франции, лауреат премии Миттерана или де Голля. Просто есть «звезда» балета Парижской оперы Элизабет Платель и до конца жизни ею останется. Так же и я останусь, как бы этого ни хотели новые руководители Большого театра. У меня есть приглашения на участие в спектаклях как в России, так и за рубежом. В ближайших планах — партия Авроры в балете «Спящая красавица» в Югославии, Польше, Германии, Англии. Часто выезжаю на гастроли с Григоровичем и не скрываю этого. Я благодарна ему за то, что он доверяет мне танцевать его балеты. Я много работаю и получаю от этого удовольствие. Всем уже понятно, что никакой западный контракт ни в Парижской Опере, ни в Ла Скала, ни в другом театре мира не может сравниться с тем кабальным контрактом, который заключен сейчас с солистами Большого театра. Руководство всех держит в страхе, контракты заключают только на полгода. А дальше? Тишина?

— Если бы вам сегодня предложили доказать на сцене Большого, что вы лучшая балерина, чем многие другие в театре, вы бы на это пошли?

— Если бы это проходило в цивилизованной стране, в цивилизованном театре, я бы с радостью сразу подала заявление и документами доказала свое право сражаться с ветряными мельницами и унижаться перед нынешним руководством Большого театра? Никогда!